

Четыре письма съ Афона.

ПИСЬМО 3-е.

Июля 16; 1872.

Я очень люблю отыскивать у нашихъ свѣтскихъ поэтовъ православныя христіанскіе мотивы.—Ты уже замѣтила, я думаю, изъ моихъ прежнихъ писемъ.—

У Кольцова, у Пушкина ихъ много.—Но у Лермонтова больше всѣхъ.—„По небу полуночи Ангелъ летѣлъ“ прекрасно, но христіански не совсѣмъ правильно.—Въ немъ есть нѣчто еретическое;—это идея о души, приносимой извнѣ на эту землю „печали и слезъ“.—Это теорія Платона, а не христіанское понятіе о появленіи души земного человѣка впервые именно на этой землѣ.—

За то „Молитва“; „Ребенку“; „Вѣтка Палестины“; нѣкоторыя мѣста изъ „Купца Калашникова“, изъ самаго „Демона“ могутъ выдержать самую строгую православную критику и благоухающей поэзіей своей могутъ сдѣлать иному сердцу больше пользы (видишь, какъ это пониманіе пользы шатко:—статистикъ твой скверный сказалъ бы—*вреда*), больше пользы, я говорю, чѣмъ многія скучныя проповѣди.

Есть у Лермонтова одно стихотвореніе, которое ты сама, я знаю, любишь.... Въ немъ надо измѣнить одну лишь строку.... (и, мнѣ кажется, онъ самъ измѣнилъ бы ее со временемъ, если бы былъ живъ) и тогда оно прекрасно выразитъ состояніе моей души теперь.—Безъ этаго измѣненія, сознаюсь тебѣ, оно теперь было бы мнѣ противно, ибо напомнило бы мнѣ все то, о чемъ я такъ радъ забыть:

Выхожу одинъ я на дорогу—

Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ.

Ночь тиха;—пустыня внемлетъ Богу.

И звѣзда съ звѣздою говоритъ...

Да! для меня теперь жизнь на Афонѣ почти такова:—

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я говорилъ о томъ, что и въ обитѣляхъ, и въ пустынѣ человѣкъ не можетъ достигъ полного спокойствія.—Борьба и горе, ошибки и раскаяніе не чужды ему вездѣ.—Я говорилъ о той внутренней, духовной борьбѣ, которая есть удѣлъ каждаго честнаго, убѣжденнаго инока.—

Но ты не думай опять таки, что монастырь есть какой-то адъ.—Это опять будетъ крайность.—Не Эдемъ нерушимаго земнаго спокойствія, и не адъ.—Монастырь есть жилище человѣческое, съ особыми горестями и особыми наслажденіями.—Человѣкъ, чтобы имѣть эти особія радости, рѣшается на особія, сопряженныя съ ними горести, стѣсненія, паденія и подвиги.—Вотъ и все.—

Мнѣ, какъ *непостриженному*, какъ гостю достался пока еще одинъ только *благой удѣлъ*.... Созерцаніе, беззаботность обо всемъ внѣшнемъ, о матеріальныхъ нуждахъ, на примѣръ, по временамъ почти полное приблизительное спокойствіе....

Ужь не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть.—
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могли
Я-бъ желалъ на вѣки тутъ заснуть.
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы.
Чтобъ дыша, вадымалась тихо грудь,—
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
„*Мнѣ про Бога*“ сладкій голосъ пѣля,
Надо мной, чтобъ вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣя,—

Не думай, однако, что и видѣ другихъ, видѣ настоящихъ монаховъ внушаетъ скуку, тоску, или какое-нибудь постоянное сожалѣніе.—

Есть минуты, въ которыя дѣйствительно на нихъ тяжело смотрѣть.—Напримѣръ—великимъ постомъ; и особенно въ Страстную недѣлю.—Тогда въ самомъ дѣлѣ непривычному человѣку страшно немного смотрѣть на эту нескончаемую службу въ храмахъ, на эти безсонныя ночи и на полное воздержаніе отъ пищи и питія въ иные дни. Только пѣвчѣмъ, для поддержанія ихъ силъ, даютъ въ такіе дни по куску хлѣба.—

Но когда вспомнишь, что этихъ людей никто здѣсь настолько не можетъ удержать, что у многихъ есть даже и

хорошія средства къ жизни, которыя они могли бы себѣ возвратить изъ кассы безъ всякихъ *юридическихъ* препятствій (о нравственныхъ я не говорю)... тогда и эти дни слишкомъ тяжелаго, хоть самовольнаго подвига, производятъ совѣтминое впечатлѣніе.—Люди хотятъ этого сами;—они рады этимъ тягостямъ, они не хотятъ отказаться отъ нихъ....

Воля твоя! но презрѣнны и смѣшны становятся рядомъ съ такой идеальной жизнью, съ такими идеальными радостями ваши „каскадныя“ увеселенія, ваша нынѣшняя, средней руки, мелкая, дряблая роскошь изъ картона, бронзы и пашье-маше!...

За то, какъ всѣ веселы на Пасхѣ! — Впрочемъ о Пасхѣ я уже прежде писалъ тебѣ.—

Въ обыкновенное время многолюдная, хорошо управляемая киновія производитъ на посѣтителя успокаивающее и скорѣе даже веселое впечатлѣніе.—Въ киновіи унынію мало мѣста.—Взаимныя примѣры, обоюдное возбужденіе;—довольныя, спокойныя лица;—каждый знаетъ свое дѣло, у всякаго свое разумно-выбранное назначеніе.—Самый вещественный изъ трудовъ облагороженъ своимъ духовнымъ смысломъ.—Дрова-ли ты рубишь, или землю роешь въ саду и виноградникѣ, комнату-ли ты метешь, хлѣбы ставишь въ печь, управляешь-ли ты небольшимъ имѣніемъ монастырскимъ, даже за чертой Аэона, и тамъ входишь въ сдѣлки съ мірянами, продаешь и покупаешь, занимаешь работниковъ, и рассчитываешь ихъ; быть можетъ, иногда даже споришь и ссоришься съ ними;—при всѣхъ этихъ трудахъ, вовсе не духовнаго свойства, тебѣ ежеминутно присуща мысль, что ты трудишься не для себя, и не для труда самаго (какъ совѣтуютъ многіе нынѣшніе матеріалісты:—что за скука!), но для обители, которая тебя приняла въ свою среду.—И, если ты при этомъ хоть сколько нибудь самосознателенъ, опытенъ, начитанъ въ Писаніи, то тебѣ на умъ легко при всякой работѣ можетъ притти такой рядъ мыслей: „Мой простой, рабочій, или торговый трудъ нуженъ обители, обитель нужна Церкви, ибо монастыри суть лучшіе склады преданій и обычаевъ Церковныхъ;—они—средоточія, изъ которыхъ обыкновенно исходятъ, по совершеніи общежительнаго испытанія, и самыя высшіе аскеты въ лѣсныя хижины и пещеры;—монастыри суть неподвижныя звѣзды Церкви, отъ которыхъ далеко-

лется свѣтъ на весь Православный мiръ.—Свѣтъ этотъ можетъ быть блѣднѣе, тусклѣе по временамъ; монашество можетъ слабѣть и падать нравственно; оно можетъ даже вырождаться и становиться грубымъ и порочнымъ; но въ этомъ виновато мiрское-же общество, не отдающее въ обители лучшихъ своихъ представителей; виновато большинство, не выносящее даже и подобія аскетической жизни, а не самъ аскетическiй этотъ идеалъ и тѣ немногiе, которые остались ему вѣрными слугами!.. И вотъ, когда случится мiрянину, погруженному въ „житейскiя попеченiя“ до невозможности какого-бы то ни было богомыслия, увидать передъ собой въ *наше время* высокаго подвижника въ пещерѣ или лѣсной хижинѣ, подвижника, котораго вся жизнь,—всѣ попеченiя—только одно это богомыслие,—какъ бываетъ пораженъ и тронуть этотъ далеко удалившiйся отъ духовнаго настроенiя человекъ!.... Мнѣ скажутъ на это:—„Да, пустынный, быть можетъ, и полезенъ въ этомъ смыслѣ;—но *обыкновенный* монахъ? Монахъ рабочiй, хозяйственный, практическiй монахъ, хлопотунъ по соборамъ и доходамъ обители? Въ немъ-то какая святость?“ Пустынный этотъ (повторяю я),—вышелъ на свободное пустынножителство, послуживши смолоду покорно, или другому пустыннику—старцу, или многолюдной общинѣ.—Аскетъ нуженъ, какъ путеводная звѣзда, какъ *крайнее* выраженiе Православнаго отреченiя и намъ монахамъ-непустынникамъ, и многимъ мiрянамъ, которыхъ воображенiе требуетъ сильныхъ впечатлѣнiй.—Аскетъ нуженъ мiрянамъ и Церкви; монастырь нуженъ аскету;—онъ ирѣдка придетъ въ обитель;—онъ причастится въ ней, онъ побесѣдуетъ съ духовниками;—онъ и самъ подастъ имъ совѣты, если они его спросятъ.—Монастырь нуженъ и мiрянину, какъ посредствующее звено между городской роскошью и сиротой пещерой пустытника.—Богатый горожанинъ хочетъ видѣть пустытника.—Онъ прiѣхалъ издалека.—Гдѣ онъ успокоится и отдохнетъ?—Гдѣ ему будетъ ночлегъ, гостепрiимство;—гдѣ та бесѣда, которая ему нужна?—Конечно не въ самой пещерѣ, или хижинѣ аскета.—Строгiе, истинные аскеты, (какие и теперь существуютъ, слава Богу) не любятъ посѣщенiй.—Они, какъ огня боятся репутацiи святости.—Придите,—они не прогонятъ васъ, они будутъ и говорить съ вами, но, конечно, не будутъ звать къ себѣ.—Зачѣмъ имъ посѣти-

тели?—Одно смущеніе!—Денегъ они не берутъ; питаются иные отъ какого нибудь руководѣлья, посылая, напримѣръ, послушника своего продать на базарь деревянными ложками своей скромной работы;—другіе и того не имѣютъ, а ожидаютъ, чтобъ имъ изъ монастыря сосѣдняго дали сухарей.—Живутъ они на Аѳонѣ въ такихъ мѣстахъ, которыя доступны не всякому человѣку, и не всякому здоровью.—Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ одинъ лично знакомый мнѣ авторъ, человѣкъ очень правдивый и умный, образъ жизни и жилище строгаго Аѳонскаго отшельника.—

„Испытавши всѣ степени трудовъ и лишеній пустынной, въ дикихъ мѣстахъ, жизни, о. Пахомій, наконецъ, вселился въ упоминаемой выше пещерѣ, въ которой никто изъ обыкновенныхъ людей жить не можетъ;—такъ что самыя строгіе отшельники дивятся его необычайной рѣшимости и самоотверженію.—

Но нужно было о. Пахомію получить еще отъ духовника благословеніе на водвореніе въ новой пещерѣ.—Желая, чтобы духовникъ выслушалъ его безъ предубѣжденія и отечески, о. Пахомій сталъ говорить, что, проживая временами въ такой-то пещерѣ, не ощущаетъ никакого вреда и проч.—и убѣдилъ, наконецъ, духовника пойти съ нимъ и посмотреть его пещеру.—На мѣстѣ, выслушавъ опять исповѣдныя слова старца,—что онъ ощущаетъ великую пользу отъ совершеннаго удаленія отъ всякихъ попеченій и, что избранная имъ пещера вполнѣ соотвѣтствуетъ его духовному настроенію, духовникъ соизволилъ его желанію и благословилъ водвориться ему въ этой пещерѣ, но только въ видѣ опыта, а если не сможетъ жить, то переселиться внизъ, — ближе къ морю.—Много прошло времени, пока духовникъ окончательно благословилъ о. Пахомія водвориться въ пещерѣ.—

Въ этой пещерѣ сухо и тепло бываетъ только зимою, когда замечаетъ ее всю совершенно снѣгомъ.—Недавно кто-то снабдилъ о. Пахомія рубашкою, или двумя, обувью, постылкою, подрысникомъ и рясою; все это вмѣстѣ съ священными книгами, какія онъ имѣетъ, бываетъ тогда только сухо, когда вывѣшивается на солнце, ибо въ пещерѣ сырость, и сырость всегдашняя.—Нѣкоторые изъ ревнующихъ подражать жизни его рѣшились проводить у него малое время:—но, какъ видно,

не стужали еще вѣры колеблющейся, и всѣ, при видѣ холоднаго и сыраго камня пещернаго, усомнѣвались, и пострадали различно: у одного іеромонаха въ одну ночь все тѣло покрылось волдырями, какъ бы кто усыпалъ его горохомъ;— другой простудилъ половину тѣла съ той стороны, какою лежалъ къ стѣнѣ пещеры, успокоившись послѣ мирнаго почнаго подвига;—а нѣкоторые пострадали разстройствомъ желудка и теперь боятся Пахоміевой пещеры какъ огня.—

Проводя подвижническую жизнь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ неоткуда было достать хлѣба, о. Пахомій пріучилъ себя къ такой пищѣ, которую рѣдко кто можетъ кушать!—И до днесь онъ употребляетъ почти одно и то же; наолчетъ, напримѣръ, камнемъ гнилыхъ каштановъ, прибавитъ, если есть, сухарей, тоже зацвѣтшихъ, положитъ все это въ воду и, заболтавъ мукою, иногда варитъ, а то и такъ, — и кушаетъ себѣ на здоровье, прибавляя иногда дикіе сухіе плоды, которыхъ никто не станетъ кушать и свѣжими, — и удивительно, остается здоровымъ!

Удивительная въ немъ черта всецѣлой преданности Промыслу Божию!—Какъ бы въ чемъ онъ ни нуждался, никому не скажетъ о своей нуждѣ, оставаясь и теперь нерѣдко безъ сухарей;—а если самъ кто вызовется что дать ему, усмотрѣвъ его крайнюю нужду, то старецъ приметъ, какъ посылаемое ему отъ руки Божіей.—Разительнѣе всего преданность волѣ Божіей, какъ плодъ живой, дѣйственной вѣры, обнаруживалась въ о. Пахоміѣ во время болѣзней;—тутъ ни лекарствъ, ни удобствъ больному никакихъ нѣтъ, да что говорить объ удобствахъ, когда и воды подать некому и неминуемо приходится умереть отъ одного только голоду и жажды!—О. Пахомію только и зрится одинъ Богъ, Который послалъ ему болѣзнь, Который силенъ исцѣлить его, или призвать его къ вѣчной жизни; онъ въ рукахъ Божіихъ какъ бы весь, выражаясь въ словахъ, часто имъ произносимыхъ: „да будетъ воля Твоя!—Слава Тебѣ Господи!“—Что бы съ нимъ ни случилось, онъ все приметъ одинаково—съ благодарностью и преданностію Господу.—

Родомъ о. Пахомій—Сербинъ;—говоритъ по-славянски, примѣшивая немного болгарскихъ словъ;—бесѣду его понимать русскому можно.—Но какъ сладка его бесѣда, выражаемая самымъ простымъ сердечнымъ словомъ,—это можно только

испытать, а передать почти невозможно.—Судя по настоящей обстановкѣ о. Пахомія и неразвитости его въ прежнее время нужно бы заключить, что ему естественно дойти до состоянія звѣроподобнаго и потерять самую способность мыслить по человѣчески, но опытъ показываетъ другое.—Господь можетъ, видно, и безъ книги отверзать умъ къ уразумѣнію такихъ тайнъ, кои навсегда останутся недоступны для мудрецовъ вѣка сего.—Да и какъ же иначе?—Они, эти дикари, полузвѣри пустынные, вѣрятъ отъ всего сердца всему сказанному Господомъ въ Евангеліи;—сомнѣваться по ученому они не умѣютъ, и приступаютъ въ полномъ смѣслѣ слова—въ простотѣ сердца ко Господу, сказавшему: „научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обряцете покой душамъ вашимъ!“—

Святая улыбка всегда сіяетъ на лицѣ о. Пахомія, какъ будто всѣмъ онъ обилуетъ, всѣ ему служатъ, надъ всѣми онъ царь!—Да и въ самомъ дѣлѣ—о чемъ ему скорбѣть и сокрушаться?—Нѣтъ у него сухарей, одежды, или обуви?... Чтожь?—У него есть Богъ. Который все это видитъ, и, какъ Ему угодно, такъ о немъ и промышляетъ.—Въ семь старецъ увѣренъ такъ-же, какъ и въ томъ, что имя ему Пахомиѣ.—Сыро и холодно въ его пещерѣ, и нечѣмъ защитить ее, по крайней мѣрѣ отъ снѣга, такъ что все у него мокро и плеснебеть?... За то у него есть терпѣніе, въ которое онъ облекся, какъ въ броню!—Постыгають его существенныя бѣдствія, скорби монашескія и искушенія отъ злокозненнаго врага?—За то у старца столько преданности волѣ Божіей, что хоть пусть столкнутся небо и земля и все превратится,—его ничто не потрясетъ и не поколеблетъ! Въ самомъ дѣлѣ,—что можетъ поколебать эту аламантову душу, если онъ въ Богѣ и Богъ въ немъ?!

Въ Апрѣлѣ 1869 года мы нарочно ходили къ о. Пахомию.—О, какъ мы утомились, пока достигли его обиталища!—Это неизобразимо!—И ноги подламывались, вовсе отказываясь двигаться, и утомленіе было такое, что хоть ложись среди дороги!—Къ нашему горю, или испытанію, пришедши, мы не застали о. Пахомія въ нижней его пещерѣ;—онъ долженъ былъ находиться, или въ отлучкѣ, или въ верхней пещерѣ.—При взглядѣ на подъемъ туда, я и другіе спутники окончательно отказались взбираться туда;—вызвался же сходить

одинъ пустынножитель—пещерникъ, бывшій на этотъ разъ нашимъ проводникомъ.—Какъ онъ взбирался туда—это нужно было видѣть!... Тутъ мы еще больше убѣдились въ невозможности взойти туда намъ, хотя бы мы вовсе были не утомлены;—ибо, кромѣ неизмѣрной трудности подъема, угрожала еще опасность опрокинуться, скатиться внизъ и жестоко разбиться.—Долго мы дожидались, разлѣтаясь въ нижней трехъ-этажной пещерѣ о. Пахомія, гдѣ горѣла лампадка предъ иконою Божіей Матери, разливая свой тихій свѣтъ на мрачныя стѣны сырой пещеры, и проливая въ душу иной тихій и сладостный свѣтъ отъ Самой Благодатной Игуменнн Аѳона.—Желая разсмотрѣть далеко ли протягивается пещера о. Пахомія, мы стали взбираться по камнямъ вверхъ, но свѣчи наши скоро потухли отъ густоты спертого сырого воздуха, и мы не могли потому дойти до конца пещеры.—Послѣ долгаго ожиданія я сталъ опасаться за цѣлость посла и отправился посмотрѣть, не увижу ли кого.—И что же?—Въ это время ожидаемые нами вдвоомъ спускались по скалѣ: старецъ былъ впереди и ползъ уже отъ мѣста, гдѣ кончилась веревка, а проводникъ—пещерникъ спускался, держась еще за нее и подвигаясь къ концу ея.—Ужасъ и оцѣненіе овладѣли мною.—Я смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ и, пока они не стали уже твердою ногою на землю, у меня заболѣло сердце!—Что, если ради насъ спускаясь, старецъ, или посланный за нимъ, поскользнуться и разозжать себѣ головы?... Я былъ между какимъ-то неизъяснимымъ страхомъ и радостнымъ ожиданіемъ, и упалъ бы въ ноги старцу, прося простить, что мы его обезпокоили и подвергали опасности спускаться для насъ, если бы не знали, что выраженіемъ уваженія и особеннаго вниманія къ его жизни можно оттолкнуть его отъ искренности и простоты обращенія.—Почему, сдерживая слезы радости, началъ я упрекать его, предваряя свиданіе свое съ нимъ и говоря: „зачѣмъ ты, отче, забрался въ такую даль?—Мы такъ утомились, иля сюда, что силъ не стало и едва добрались до тебя!“—Это я говорилъ, пока онъ приближался по тропѣ ко мнѣ.—За плечами у него была торба;—одежда на немъ была хоть худенькая, но полно-монашеская;—подъ ряскою видѣлась ветхая схима, на камлавиѣ толстаго сукна накинута худая наметка (крещъ).—Постыиическое лицо его вы-

ражало строгость его жизни, и невольно производило какое-то благоговѣйное впечатлѣніе.—Принявъ вину на себя, старецъ съ удивительнымъ сердобоіемъ сталъ кланяться и просить прощенія за утружденіе насъ. Говорилъ же это съ такою убѣдительностію, что я уже и пожалѣлъ о высказанныхъ вольно словахъ, видя какъ старецъ искренно испрашивать прощеніе, будто дѣйствительно былъ виновенъ.“¹⁾

Вотъ каковы Афонскіе пустынники и вотъ какъ они живутъ!—

Развѣ можетъ при такихъ условіяхъ всякій мірянинъ, поклонникъ проникать къ такимъ людямъ?—

Поклоннику нужно гостепрѣимство обители, нужна литургія, иконы, мощи Святыя, ему нужна еще прежде созерцанія и оцѣнки подвиговъ аскетическихъ, поэзія богослуженія нашего и хоть немного философія Православія, книга хорошая, разговоръ неспѣшный и досужный съ знающими людьми.... Вотъ это все онъ найдетъ въ обители.—

И такъ если я служу лишь однимъ тѣлеснымъ, или практическимъ трудомъ на вещественныя нужды киновіи,—я косвенно служу всей Церкви, которая есть ничто иное какъ земное, реализированное въ общественной жизни Слово Самого Христа.—Копая виноградникъ—я служу Христу;—управляя имѣніемъ, которое даетъ пшеницу и хлѣбъ насущный братіи монастырской, я служу Христу;—ѣду я черезъ моря на острова Греческіе покупать масло, или машину для выдѣлки того же масла дома изъ нашихъ Афонскихъ оливъ,—переношу я бури и непогоды, торгуюсь съ купцами, знакоплюсь по неволѣ и дружусь съ мірскими людьми, волею—неволею иногда живу ихъ жизнью, ѣмъ иногда и сплю не по Афонски, говорю иное чѣмъ на Афонѣ, вижу вещи, которыя меня борять и оскорбляютъ.... Во мнѣ теперь какъ будто и слѣда аскетизма не осталось.... Я въ ужасѣ, я каюсь, я утомленъ:—но воспоминаніе о томъ, что меня послалъ начальникъ, избранный братією, ободряетъ и утѣшаетъ меня.—Вспоминая о словахъ игумена и о пуждахъ братіи, я и въ шумномъ городѣ, гдѣ рядомъ съ моею комнатою играетъ музыка и слышны пѣсни и пьяные крики изъ дома терпимо-

¹⁾ См. „Письма съ Афона о Современныхъ подвижникахъ Афонскихъ“. Свц. Пантелеймона, монаха.—Кіевъ; 1871 г.

сти,—могу, помолясь, успокоиться мыслью, что служу обители, одной изъ неподвижныхъ звѣздъ, разсѣянныхъ по міру православному и озаряющихъ его.—Монахъ неидеть на проповѣдь, правда;—но монастырь принимаетъ набожныхъ гостей, и нѣсколько недѣль, или мѣсяцевъ жизни при хорошемъ благочинномъ монастырѣ поучаетъ лучше всякой навязчивой проповѣди на міру.—Прекрасно ходитъ со свѣтильникомъ между людьми;—но хорошо организованная обитель есть уже своего рода пропаганда не словомъ, а дѣломъ самимъ.—Монашество есть, положимъ, крайнее выраженіе христіанства.—Но сила крайности подразумѣваетъ неизбѣжно, органически, такъ сказать, и прочность чего-то средняго, однороднаго съ нимъ; но не крайняго, за сѣнь стоящаго въ порядкѣ развитія.—

Съ перваго взгляда кажется, напримѣръ, что монашество, отрекающееся отъ семьи, есть логическая антитеза семьи.—Однако, на дѣлѣ оказывается иное. Бракъ есть своего рода аскетизмъ, своего рода отреченіе.—Строгий, религіозный, нравственный бракъ есть лишь смягченное монашество;—иночество вдвоемъ, или съ дѣтьми-учениками. Если отвергнуть *Таинство* въ бракѣ, если лишить его церковнаго смысла, то что можно противопоставить изящному Жоржъ - Сандизму, или вольнымъ и веселымъ сходкамъ въ хрустальныхъ дворцахъ (?) Чернышевскаго (?), или дружеской, аристократической сдѣлкѣ людей хорошаго общества, подобной тому соглашенію, которое, говорятъ, существовало между знаменитымъ Меттернихомъ и его женой?—Они, говорятъ, согласились помогать другъ-другу въ карьерѣ и не мѣшать другъ-другу въ сердечныхъ дѣлахъ.—

Съ точки зрѣнія счастья, *эвдемонизма*,—чѣмъ они были неправы?—Кому они мѣшали?—Они были довольны другъ-другомъ, *приблизительно*, какъ только можно быть довольнымъ на землѣ?—

Какую логику, какую идею мы противопоставимъ идеѣ *эвдемоническаго согласія* двухъ лицъ?—Долгъ?—Какой?—Противъ кого?—Противу свѣтскаго общества?—Что ему за дѣло, если мы никого не оскорбляемъ?—„Vivons et laissons vivre!“—Мы добродушны, съ нами весело, мы изящны даже;—у насъ въ домѣ хорошо, еще пріятнѣе отъ *той свободы*, которая въ немъ царствуетъ.... Не безпокойтесь, образованное общество ловкихъ

людей въ этомъ родѣ не могло и не умѣло никогда казнить.—

Лучшіе поэты ихъ воспѣвали, мыслители считали за честь бывать въ ихъ домѣ;—имъ никто не отказывалъ во внѣшнемъ почетѣ, если они умѣли быть полезными государству, или пріятными народу....

Какой еще долгъ?—Долгъ относительно другъ друга?—По понятіямъ *евдемонической*, прогрессивной религіи долгъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы сдѣлать избранную подругу *счастливой*; надо стараться, чтобы она какъ можно веселѣе и пріятнѣе провела молодость свою.—

Что еще мы можемъ противопоставить идеалу такого веселаго сожительства, или требованіямъ фантазіи уже слишкомъ широко и необузданно развитой?—

Чувство *чести*?—Это чувство условно и сколько мы видимъ людей высоко образованныхъ, но христіански неразвитыхъ, которые за косою взглядъ, или грубое слово вызовутъ на поединокъ друга и въ наше не рыцарское время, а скажи иному изъ этихъ свѣтскихъ людей въ минуту полной искренности о *чести* его жены и онъ, можетъ быть, отвѣтитъ тебѣ: „ахъ, батюшка, ну что за честь! Жена моя, къ несчастію, не хороша и не ловка, на нее никто и не смотритъ... Какая тамъ честь!—Что за предразсудокъ!.. *Est ce qu'un homme distingué peut avoir le mauvais goût d'être bourgeoisement jaloux de sa femme légitime?*—Это хорошо моему управляющему Карпу Федоровичу.—Онъ ничего лучше своей Шарлоты Егоровны не видалъ.—Такъ, разумѣется, ему и она въ диво“.—

Еще что?—Полицейскія мѣры?—Государственныя?—Гражданскій бракъ?—Да, если мы хотимъ строить общество *въ принципѣ* на лицемѣрн, на обманѣ, на внѣшнемъ формальномъ соглашеніи.—Но не будутъ ли правы коммунисты, когда скажутъ на это:—„хорошо и это пока; это еще шагъ по нашей дорогѣ;—Святыня убита въ принципѣ.—Квартальный, или меръ какой-то записываетъ въ книгу, съ какой именно женщиной вы желаете приживать такихъ дѣтей, которыхъ общество назоветъ „законными“.—Но такъ какъ вездѣ уже права сословій болѣе или менѣе сравнены и долго стоять на мѣстѣ нельзя, то скоро не будетъ никакой особенной разницы между законнымъ и незаконнымъ ребенкомъ.—Гражданскій бракъ долженъ будетъ пасть, какъ безмысленное, само себя пережившее учрежденіе...“

Octave Feuillet правъ въ своемъ романѣ „*Sybelle*“ утверждая, что только въ религiи, въ идеалѣ Церковномъ бракъ твердъ и осмысленъ.... Частныя, случайныя ошибки и уклоненiя, увлеченiе страстью мгновенное—не разрушать ничего, если основа цѣла.—Церковь прощаетъ:—и супруги могутъ простить другъ другу.... Но какъ?—„*Иди теперь и не сръбиши!*“—„Боже! прости ему или ей!—Прости такъ какъ я простилъ!“—

Это другое дѣло.—

Объ этомъ я могъ бы еще много, много говорить.—Я воздерживаюсь, чтобы не забыть надолго Авоиъ и монаховъ.—

Теперь, кончая это письмо, я скажу тебѣ только еще разъ вотъ что.—Для семьи нужна Церковь, для Церкви *Православной* необходимы примѣры крайняго аскетизма;—для аскетизма нужны монастыри, —для монастырей необходимы не только духовники, богословы, iеромонахи, служащiе въ церкви, пѣвчiе, поющiе псалмы, —для нихъ необходимы и экономы, практическiе иноки, которые заботятся о хозяйствѣ монастырскомъ, о прiобрѣтенiи средствъ на убранство храмовъ, на воздвигненiе жилищъ, на утварь, на прощитанiе самое скромное и нерѣдко даже на угощенiе посѣтителей, изъ которыхъ многiе молиться желаютъ и видѣть постящихся очень рады: но сами поститься слишкомъ серьезно не хотятъ.—

И такъ, скажи доброму семьянину, которому судьба послала домъ и хорошихъ дѣтей, чтобы онъ не оскорблялся когда такой *практическiй* инокъ стучится въ его дверь за ночаянiемъ.—Пусть онъ не возмущается тѣмъ, что этотъ инокъ ему не кажется строгимъ *аскетомъ*.—Строжайшiй аскетъ остается дома:—онъ и не съумѣетъ пойти на сборъ;—монастырь вынужденъ на это благословлять людей иного рода.—И почему еще знаетъ нашъ добрый семьянинъ, *живетъ* этотъ самый инокъ *дома*, въ *обителн*?—Какую жизнь онъ ведетъ тамъ, возвращаясь въ свою настоящую привычную среду?... Быть можетъ,—онъ и аскетъ высокой степени?... Но онъ уменъ, и *здѣсь* онъ не хочетъ быть педаптомъ, боится прослыть лицемеромъ и непортить тѣмъ отчасти дѣла своей обители?...

Великое дѣло монастыри въ Православной Церкви! Пусть въ нихъ есть свои недостатки, свои страсти и пороки...

Если войско страдает недостатками правителя и нации,—
ищутъ исправить ихъ, а не *распускаютъ* армію.—

Безъ монастырей, безъ этихъ *скотницъ* такъ сказать, крайняго
отреченія, мали бы послѣднія основы для поддержки того
средняго отреченія, которое необходимо для хорошей семьи....

Сизигосъ (супругъ) по гречески значитъ *со-ярменикъ*, *со-ярменица*, если переводить яснѣе и ближе къ современному
языку.—Вотъ какъ понимала бракъ всегда Православная
Церковь.—

И не вѣрнѣе ли это аскетическое пониманіе, не ближе-ли
оно къ дѣйствительности, чѣмъ всякая *эвдемоническая* идеа-
лизация брака?—нежели все еще мечтать объ игривомъ и ти-
хомъ, о нерушимомъ счастьи и согласіи, послѣ которыхъ
пастаетъ почти всегда разочарованіе и раздоръ, или полная,
ровная проза, если нѣтъ *въ уду лампады предъ образами*....
Понимася?—

Для нѣкоторыхъ, въ другихъ отношеніяхъ весьма благо-
родныхъ натуръ, бракъ самъ по себѣ былъ и будетъ всегда
прозаиченъ и скученъ, если разсматривать его только съ
точки зрѣнія наслажденія, или полу-романтическаго сладо-
страстія.—

Вѣдь это истина жизни.—Какъ ее отрицать?—И кого мы
обманемъ, отрицая это?—Напротивъ того—поэзія брака и семьи
необычайно возвышенна, когда каждый шагъ семейной
жизни, каждый обычай, каждая черта при воспитаніи дѣтей
озарены идеей Православія и украшены всѣми милыми пре-
даваніями народной Святости....

Самая непривлекательная чета, если въ ней сильно чув-
ство религіозное, въ иные минуты внушаетъ такую глубо-
кую симпатію всякому благородному сердцу, какую не мо-
жетъ внушить никогда „раціональный“ супругъ, Богъ знаетъ
почему вѣрный своей „раціональной“ супругѣ!....

— Что-жъ сказать?—Видно вкусъ такой.—А мнѣ бы давно
надоѣло ея честное „раціональное“ лицо;—у всякаго свой
вкусъ.... И больше ничего!..

Юли. — 23

Я замѣчала въ тебѣ не разъ еще давно, когда ты только что начала выходить изъ дѣтства, что монахини, особенно молодыя, тебѣ нравятся, а монахи нѣтъ.—Я помню не разъ, какъ ты сама ничему не молясь, хвалила мнѣ пѣніе и службу въ одномъ дѣвичьемъ монастырѣ, какъ ты любила въ него ѣздить, хвалила нѣкоторыхъ изъ этихъ „милыхъ и бѣдныхъ дѣвушекъ“ (такъ ты выражалась тогда).—Я помню также, что ты очень обрадовалась тому романтическому окончанію жизни, на которое хотѣла было обречь себя одна особа царской крови;—мнѣ кажется, что этотъ разговоръ былъ о супругѣ Неаполитанскаго короля Франциска.—Когда ты прочла случайно въ газетѣ о томъ, что она намѣрена заключиться въ женскій католическій монастырь, (помнишь—мы сидѣли всѣ въ большой залѣ тогда?)—ты сказала:—„Какъ я рада, что эта королева рѣшилась быть монахиней!—Ужъ давно что-то никто въ монастырь не шель!“—

О томъ, что Лиза Калитина была всегда любимой героиней твоей—я уже упоминалъ, кажется, прежде...

Отчего же ты не любишь монаховъ?... Отчего ты мнѣ однажды писала такъ: „еслибы я могла вѣрить, что есть на свѣтѣ *хоть одинъ добросовѣстный, вѣрующій, хорошій Православный монахъ*, я поняла бы твое желаніе жить при монастырѣ.... Но развѣ эти люди могутъ понять порядочнаго, развитаго человѣка?—Что они сдѣлаютъ изъ него,..... если онъ имъ отдастъ себя въ руки?“—

Положимъ,—это ты писала мнѣ лѣтъ семь тому назадъ, когда разъ въ минуту тоски я признался тебѣ одной, что мнѣ слѣдовало бы, кажется, кончить жизнь при монастырѣ Православномъ, если не монахомъ, то однимъ изъ тѣхъ вѣчныхъ поклонниковъ, которые доживаютъ свой вѣкъ при обителяхъ.—

Отчего эта разница?—

Или ты находила (и, можетъ быть, находишь), что религіозность женщинамъ *идеть*, а мужчинамъ не пристала?—

Одна молодая католичка, красавица, воспитанная въ Сириі, почти въ дикихъ горахъ, ибо отецъ ее имѣлъ за городомъ заведеніе для шелка,—разсказывала мнѣ очень простодушно, что „папа всегда смотрѣлъ строго, чтобы всё дочери его были религіозны... Онъ говорилъ намъ часто: „une femme doit avoir de la religion;—мужчина—*дѣло другое!*“—Онъ самъ никогда не исповѣдывался и въ Церковь почти не ходилъ.“—

Молодая женщина эта и не думала шутить надъ отцомъ, или осуждать его.—Въ семьяхъ тѣхъ *épicieirs*, которые воцарились во Франціи на развалинахъ изящнаго и вѣрующаго феодализма, такой порядокъ очень обыкновененъ.—Мужчина самъ не вѣритъ ни во что, кромѣ „славы Франціи, передовой націи вселенной“, кромѣ своихъ правъ на всё выгоды и удобства, и разумности демократіи;—но жену и дочерей онъ посылаетъ въ храмъ и на исповѣдь.—„Больше слушаться будутъ!“—

Ты такъ думать не можешь, какъ можетъ, въ пустотѣ своей и слабоуміи, думать отецъ семейства изъ выдохшейся современной намъ Французской буржуазіи.—

Такого порядка у насъ въ Россіи нѣтъ;—у насъ религіозность и безвѣріе распределены какъ пришло между женщинами и мужчинами.—

Эгоистическихъ, тайныхъ соображеній у тебя при этомъ быть не можетъ.—

И такъ остается одно: чувство твое, чувство просто эстетическое....

Быть можетъ и то, что тебѣ случалось знать нѣсколькихъ хорошихъ монахинь;—а монаховъ (*я это знаю*), ты, ни хорошихъ, ни дурныхъ до послѣдняго времени не встрѣчала. развѣ на улицѣ и изрѣдка, изрѣдка въ какойнибудь Петербургской Церкви, въ которую ты случайно захаживала иногда отъ скуки, или изъ какогонибудь любопытства.—

Потомъ надо вспомнить кѣмъ и чѣмъ ты была окружена съ дѣтства;—ты была окружена газетами, въ которыхъ близкіе тебѣ люди принимали участіе;—газетами, въ которыхъ смѣялись надъ И. Аксаковымъ за то, что онъ позволилъ себѣ назвать „*ароматомъ добра*“ то чувство, которое объединяетъ на мгновеніе душу дающаго милостыню и душу при-

нимающаго;—людьми, подобными тому сѣдому родственнику твоему, который узнавши, что я уѣхалъ жить на Аѳонъ, написалъ изъ пріязни ко мнѣ длинное письмо (помнишь какъ я смѣялся надъ этимъ письмомъ?) о томъ, что въ наше время монахомъ можетъ стать только идиотъ, или мошенникъ;—что умѣе расходовать лишнія деньги на шлейфы и шляпки молодыхъ любовницъ, чѣмъ на рясы и клобуки *какихъ-то дураковъ*.—Что въ наше время нельзя ожидать, чтобъ человекъ, который смолоду занимался естественными, реальными науками (это все я), чтобъ этотъ человекъ въ *здоровомъ* состояніи ума могъ вѣрять въ постриженіе, Православіе и т. п. „При сильномъ воображеніи своемъ онъ увлекся эстетикой монашества, быть можетъ, и раскается скоро!“ прибавилъ твой сѣдой мудрецъ.—

О, мудрецъ! О мой бѣдный продуктъ журнальнаго Петербургскаго міра!...

Въ наше время!.... Что такое наше время?—Его время—во все не мое время, быть можетъ.... Онъ живетъ вчерашней *остылой новизной*, которая по закону инерціи еще дѣйствуетъ нынче, и будетъ дѣйствовать и завтра, все расширяясь и расширяясь, но и *слабѣя* вмѣстѣ съ тѣмъ.... А я?... Если онъ, твой сѣдой цыникъ и любезный къ дамскимъ шлейфамъ утилитаристъ, признаетъ во мнѣ сильное воображеніе, эстетическую развитость и даже нѣкоторую долю этихъ знаменитыхъ *реальныхъ* знаній, съ которыми, нынче всѣ нянчатся, какъ дурни съ писаною торбой.... Если онъ все это придаетъ и приписываетъ мнѣ, то тѣмъ хуже для его взглядовъ.... Разумъ мой, какъ видишь, что-то не слишкомъ поврежденъ, какъ будто-бы... *Мое* время, не *его* эпоха....

У меня есть *мое* время во первыхъ и въ настоящемъ, ибо „не о Петербургѣ единомъ живѣть будетъ русскій человекъ“,—но „о всякомъ глаголь, исходящемъ изъ истинно-русскаго сердца“....

Я даже не хочу утверждать здѣсь настойчиво (именно *здѣсь*, въ *этомъ* письмѣ), что идеаль *эвдемоническаго прогресса*—глупъ и даже *не наученъ* (хотя это, по моему, доказать не трудно).—Сегодня я скажу только что всякая философія, имѣющая практическіе выводы для жизни, всякая цивилизація *эвдемоническая*, или аскетическая:—религія *умѣреннаго* всеобщаго, плоскаго эпикурейства, и религія христіанскихъ,

свободныхъ ограниченій—одинаково имѣють въ числѣ слугъ своихъ и мудрецовъ и простыхъ людей. — Такъ было до сихъ поръ. — Сравни, напримѣръ, — Іоанна Дамаскина и Павла Простаго. — Оба причтены къ лику Святыхъ. — Іоаннъ Дамаскинъ аристократъ, вельможа, сынъ правителя города Дамаска, любимецъ своего Мусульманскаго Государя, философъ, занимавшійся метафизикой христіанства, публицистъ Православный, который боролся письмами противу Византійскихъ Императоровъ, желавшихъ уничтожить поклоненіе иконамъ... поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ, сложившій множество молитвъ....

Павель „Простой“, напротивъ того, былъ крестьянинъ. — Онъ давно хотѣлъ быть монахомъ, но онъ былъ женатъ: — жена измѣнила ему; — онъ обрадовался и убѣжалъ къ Антонію Великому въ пустыню. — Антоній не зналъ какъ бы испытать его и какимъ дѣломъ сначала его занять. — Онъ велѣлъ ему плести веревки. — Павель старательно свилъ ихъ. — Антоній велѣлъ ихъ расплести; Павель съ радостью расплелъ ихъ. — Антоній велѣлъ ему шить одежду; — велѣлъ распоротъ и снова сшить. — Павель все исполнялъ охотно, не спрашивая даже къ чему эта бесполезная работа. — Антоній не давалъ ему ѣсть; — онъ не просилъ. — Тогда Антоній отбранилъ и полюбилъ его. —

Павель былъ крестьянинъ и совершенный невѣжда. — Но развѣ Св. Іоаннъ и Св. Павелъ этотъ не были люди одной и той-же идеи, одной и той-же цивилизаціи? — Іоаннъ понималъ все *in extenso*, въ развитіи; — Павелъ зналъ только что Христосъ — Сынъ Божій, что Его распяли за насъ и намъ хорошо и полезно за него распинать себя... Вотъ и все. — А до подробностей онъ и доходить не хотѣлъ, и соглашался свивать и развивать веревки всю жизнь свою, по указанію болѣе знающихъ людей!...

Такихъ Павловъ въ Россіи еще довольно и слегка грамотныхъ и вовсе безграмотныхъ. — И я не нахожу, чтобъ они были невѣжественнѣе Французскаго, или Итальянскаго работника, бунтовщика и коммуниста, который въ такой же пропорціи состоитъ къ Кабе, Фурье, или Прудону по *эстетичности* и логической выработанности своихъ мыслей, въ какой Павелъ Простой состоялъ къ Іоанну Дамаскину, или нынѣшній крестьянинъ — богомолецъ русскій къ Филарету Московскому, или Хомякову. —

Иоаннъ, Филаретъ, Хомяковъ—сознательные, философски-развитые продукты Византийской, аскетической культуры: Павелъ Простой и сельскій богомолецъ нашъ—наивныя произведенія той-же аскетической цивилизаціи.—Сильная вѣра сердца въ два-три разъ и навсегда принятыхъ положенія въ двѣ-три идеи, ниспешшія въ краткой и доступной квинтѣ—эссенціи изъ высшихъ сферъ этой цивилизаціи. Вотъ ихъ умственный запасъ.—

Фурье, Прудонъ, Базаровъ сознательные, болѣе, или менѣе тоже философски-развитые продукты не *всепольной* европейской цивилизаціи, а той *последней, вчерашней, эвдемонической, утилитарной* культуры, которая на всѣхъ углахъ кричитъ съ XVIII вѣка: „le bien être, le bien être des peuples“, которая въ лицѣ Ламенэ безсовѣстно и подло искажаетъ смыслъ Евангельскаго ученія, увѣряя простой народъ какимъ-то лже-библейскимъ языкомъ, что надо бунтовать противъ властей.—А работникъ бунтующій и едва грамотный,—это наивный, гадко-наивный, грязно-наивный, но все таки наивный (въ смыслѣ слабой сознательности) продуктъ того же *вчерашняго* эвдемонизма. Онъ знаетъ одно:—„Il n'ya ni Dieu, ni diable; tous les hommes sont égaux...“ или „doivent l'être...“ И жжетъ Парижъ съ твердой вѣрой сердца въ эти двѣ—три фразы, дошедшія постепенно до него изъ книгъ, разговоровъ и газетъ.—

Въ Россіи глубоко пережъшаны и перенутаны теперь эти двѣ культуры—Византийская—аскетическая и нео-французская, эвдемоническая.—Вотъ и все.—Живемъ мы, правда, въ *одно* время, но живемъ *не однимъ* и тѣмъ же...

Антиподы живутъ на одной и той-же землѣ, но въ одно и тоже время одного изъ нихъ освѣщаетъ солнце, а другого какая-то унылая, холодная луна!—

Твой сѣдой родственникъ живетъ вчерашней новизной:—но если онъ мнѣ самъ присвоилъ сильное воображеніе и эстетическое чувство, то пусть онъ вспомнитъ, что люди съ сильнымъ воображеніемъ всегда предчувствовали *заранѣе* то, къ чему приходили четверть вѣка, полвѣка, вѣкъ спустя, толпами люди менѣе ихъ одаренные фантазіей.—

Робеспьеръ практической гильотиной нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя старался осуществить *мечты* Руссо;—Итальянское единство какъ бы оно ни оказалось, бесплодно и для

Италіи и для человѣчества, но все таки осуществилось какъ фактъ, послѣ столькихъ *мечтаній*, послѣ столькихъ предтечъ, одаренныхъ фантазіей... Германія въ Бисмаркъ обрѣла реального истолкователя столькихъ прежнихъ отвлеченностей... На худо, или на добро для нѣмцевъ въ будущемъ — это иной вопросъ. —

Поэты социализма—Сень Симонъ и Фурье не дожили до 48-го и 71-го годовъ. —

Я вѣрю, что въ Россіи будетъ пламенный поворотъ къ Православію, прочный и надолго... Я вѣрю этому потому, что у русскихъ *болитъ душа*... Я вѣрю этому, потому что нигилизмъ въ сферѣ мысли *уже прожить* нами и, теперь, вмѣсто Базаровыхъ, ушедшихъ въ Сибирь, или въ могилу, — онъ даетъ лишь не очень опасныхъ Пышныхъ, или глухыхъ Скобичевскихъ какихъ-то, которые топорно валяютъ въ своихъ критикахъ, что *Катерина—Островскаго* должна бы обучиться естественнымъ наукамъ и тогда бы все на свѣтѣ было-бы хорошо....

Распространяться въ иншіе слои наши нигилизму было бы легко, ибо много мудрости не надо, чтобы изъ *аскетической* наивности перевестъ и народъ въ *эвдемоническую* глупость... Но, съ Божьей помощью, будемъ надѣяться, что люди власти у насъ не будутъ больше либеральничать, не будутъ зря спѣшить какимъ попало обученіемъ народа изъ подражанія сосѣдямъ, которые еще не сказали *последняго слова* своего, и у которыхъ тоже, вопреки всей хвастливости ихъ, есть много залоговъ *романской* анархіи, особенно *послѣ объединенія*... Раздѣленіе Германіи мѣшало, правда, иногда единству *порядка*, но оно мѣшало за то и единству *анархіи*... *Это надо помнить!*...

И, если у насъ будутъ, съ Божьей помощью, это помнить, то можно надѣяться, что эвдемоническія вліянія *у насъ* ограничатся не разгромомъ, а лишь *частными превращеніями*, безъ которыхъ жить въ исторіи, конечно, нельзя...

Православіе Византійское, какъ извѣстно, имѣетъ въ себѣ между прочимъ двѣ стороны:—для государственной общестственности, и для семейной жизни—оно есть религія *дисциплины*.—Для внутренней жизни нашего сердца—оно есть религія *разочарованія*, религія безнадёжности на что-бы то ни было земное. —

Отъ нѣкоторыхъ мѣстъ Чайльд-Гарольда можно перейти безъ всякаго усилія, и почти незамѣтно къ инымъ мѣстамъ Давидовыхъ Псалмовъ;—а отъ Псалмовъ Давида ко всей Христіанской Церковности.—

Два величайшихъ лирика всего міра—могутъ легко примириться въ большой и тоскующей русской душѣ.—И вольно же было сухимъ умамъ—*міровую* тоску, тоску безграничную ненасытной и широкой души сводить на мелкое гражданское недовольство современностью, вмѣсто того, чтобы *разрѣшить ее въ Бога?!.*

Понялъ ли бѣдный Герценъ передъ смертью *какой рѣшимости* у него не достало?—

Хорошо и то, что онъ разочаровался въ *чисто-утилитарномъ прогрессѣ*, и понялъ, что онъ, и одинъ онъ ведетъ, или къ ужасному кровавому безначалію, или къ отвратительной прозѣ всеобщаго мелкаго, однообразія, предлагаемаго Прудономъ, или... (и это всего вѣрнѣе), что, давши *кой-что* новое міру въ *экономическомъ* порядкѣ, этотъ утилитаризмъ *сопряжется разнообразно* съ прежними историческими началами.—И только! *Благоденствія общаго* и субъективнаго все-таки не будетъ.—

За эту *строку* объ историческихъ началахъ Герцену многое прѣзнее и вздорное его можно искренно простить.—

Нѣтъ! Православіе, или другими словами, культура Византійской дисциплины и земнаго аскетизма есть единственный противовѣсъ теоріи всеобщаго, мелкаго удовольствія.... И лучшая пища и отрада тому, кто разочарованъ, и для себя, и за другихъ, и за будущее друзей и близкихъ своихъ, и за *будущее* всего человѣчества, понятое въ смыслѣ всеобщей пользы.—

Кто *графически* изобразилъ исторію земнаго прогресса?—

Кто скажетъ съ *реальной точностью*, какъ вѣрнѣе изобразить его:—какъ прямую лѣстницу, на верху которой приготовлены всѣмъ *равныя*, или приблизительно равныя награды, такъ что и зависть станетъ невозможна.. Или въ видѣ широкихъ, все больше и больше расширяющихся круговъ, неизбежно перевитыхъ и душистыми цвѣтами и ядовитыми, нестерпимыми терніями?..—

Сообразно съ *реальными* фактами, съ примѣрами самой природы, видъ челоѣка стоящей, съ явлениями современной

и прошедшей исторіи, съ психологіей нашей, которая требует попеременно отдыха и борьбы, которая жаждет разнообразія и перемѣны,—надо думать, что безконечные круги болѣе похожи на исторію земнаго прогресса, чѣмъ чертежъ прямого утилитарнаго восхожденія, посредствомъ реальныхъ наукъ, обращенныхъ на службу равенству людей и братству народовъ;—не сердечному и теплomu братству внезапнаго, личнаго, живаго чувства, а братству юридическому, насильственному, предупредительному и все государственному!

Фу! Что за скука! Съ какой я стати буду насильственно брать какому-нибудь Нѣмецкому, или Французскому демократу, котораго даже портретъ въ иллюстраціи раздражаетъ меня?...

Если я *христіанинъ*, то я заставляю замолчать эту свою *художественную* брезгливость... А если я *не христіанинъ*?—Тогда меня можетъ заставить замолчать только одинъ страхъ передъ толпой людей менѣе меня развитыхъ...

Хорошъ-же прогрессъ!.. Если болѣе развитой человекъ долженъ трепетать тѣхъ, которые тупѣе, глупѣе, грубѣе, пошлѣе его....

Довольно! Довольно!!!

К. Н. Леонтьевъ.